

Салли, моей маме

Незнакомая бо́ль

Ланкашир, 1620¹

Энни спит, свернувшись клубочком на нашей с ней общей постели. Спит крепко, даже обслюнявленный палец изо рта выпустила. Я встаю на колени, мягко трясу ее за плечо. Она хмурится и что-то бормочет, не открывая глаз.

— Просыпайся, — говорю я.

Но она меня отталкивает и поворачивается ко мне спиной.

— Вставай. Пора тебя осмотреть.

При этих словах глаза Энни распахиваются, она садится в постели и, вцепившись в мою руку, спрашивает:

— А что, *он* приходил?

— Нет. Мы ведь позвонили в колокольчик, верно? И зола осталась нетронутой.

Энни свешивается с лежанки, вокруг которой насыпано тонкое кольцо золы, и старательно ищет, нет ли на нем отпечатков дьявольских копыт.

¹ Время правления короля Якова I (1566—1625 гг., король с 1603 г.), жесткого сторонника абсолютизма. Усилившемуся в XVI—XVII вв. движению пуритан, боровшихся за очищение англиканской церкви от остатков католицизма в богослужении, обрядах и доктрине, король противопоставил сближение с католической Испанией. Пуритане, особенно чиновники и буржуазия, не сдавались, всячески преследуя католиков. На этом фоне возник новый виток «охоты на ведьм», причем «охота» велась с обеих сторон. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Ну, значит, все хорошо, — и она снова падает на подушку.

— Нет, дорогая, хватит спать. — Я рывком ставлю ее на ноги. Мне необходимо убедиться, что и сегодня она еще свободна от этого проклятия. Для меня самой уже слишком поздно: я приговорена, и от своего будущего мне не уйти, но, может быть, мне еще удастся спасти ее. Энни — такая худышка, все косточки можно пересчитать, я запросто поднимаю ее одной рукой. А потому, не обращая внимания на ее жалобное нытье, я подтаскиваю ее туда, где сквозь щель в стене просачивается слабый свет, и, остановившись в узком проходе между нашей лежанкой и постелью матери, начинаю ежедневный ритуал: через голову стянув с Энни рубашку, начинаю тщательно обследовать каждый кусочек ее кожи. Она покорно ждет, голая и дрожащая.

Я начинаю с боков, где у меня самой имеется округлая красная отметина, похожая на *его* яркий, точно вымазанный ягодным соком рот. На боках кожа у Энни чистая, белая, хоть и покрыта мурашками. Господи, все ребрышки наперечет! Я приподнимаю ее руки, со всех сторон внимательно их осматриваю, затем велю ей растопырить пальцы — нет ли отметины между ними, — потом изучаю кожу у нее под коленками и подошвы ног. У нее на коже алеют укусы блох, и она уже успела их расчесать, но это дело обычное; та отметина — я про себя молю Бога, чтобы никогда ее не найти, — должна быть плоской и темной. Это пятно никак не удалишь и ничем не смоешь, сколько ни пытайся. Господь свидетель: сама-то я не раз пробовала смыть свое. Энни послушно наклоняет голову, я приподнимаю ее волосы и осматриваю шею.

Нет, пока что она *ему* не принадлежит.

Я обнимаю сестренку, прижимаю к себе, баюкаю и наконец-то позволяю себе с облегчением выдохнуть:

— Ничего нет. — Каждый мой день начинается с этого осмотра. С необходимости подбодрить Энни. С предчувствия беды.

Обрадованная этим сообщением, сестренка выбегает в соседнюю комнату, проносится мимо пустой постели Джона и, завершив круг, возвращается ко мне, сияя и хлопая грязными ручонками.

— Наверное, я *ему* не нужна! — Она бодро вытирает нос тыльной стороной ладони и слизывает с нее сопли.

Я смеюсь и поспешно через голову натягиваю на нее платьишко, пока она снова не улепетнула в другую комнату и не вошла в очаг — она любит постоять в еще не остывшей золе, словно вбирая в себя оставшееся тепло.

Мама тоже встала и, завернувшись в одеяло, стоит в дверном проеме.

— Не приходил? — спрашивает она, и мне кажется, что этот привычный вопрос сам собой выскальзывает в дыру, возникшую на месте ее выпавших зубов.

Я отрицательно мотаю головой.

— Все равно *он* придет. *Его* ты ничем не остановишь, сколько ни старайся. — Мать мельком бросает взгляд на своего волшебного помощника в обличье зайца. Для нас этот «заяц» совершенно безвреден, но, по ее словам, он охотно выполняет любое ее поручение, разнося проклятья и всевозможную пагубу. Он является только матери, а мы узнаем о его присутствии, когда мать шепотом обращается к нему со словами любви или обсуждает с ним какие-то вредоносные планы. Вот и сейчас она, похоже, разговаривает с ним: «Мы-то с тобой, Росопас, отлично это знаем, верно?» Я пытаюсь разглядеть в золе отпечатки заячьих лапок или хотя бы промельк тела материного фамильяра, когда он вьется у ее ног. Но так ничего и не вижу.

Протиснувшись между тюфяком Джона и столом, мать подходит к очагу и машет Энни рукой, чтоб шла на улицу. Затем ковыряет кочергой безжизненную золу, которая, поднимаясь в воздух, оседает на заплесневелой стене. Одеяло уже соскользнуло с материных плеч, и на ее худой спине хорошо видны выступающие бугорки позвонков и та проклятая отметина.

— Дров-то у нас совсем нет, — говорит она.

— Я схожу на берег, принесу немного плавника. Заодно и съедобных ракушек подсоберу.

— Помоги мне сперва нашу красавицу хоть немного умыть.

Удрать Энни не успеваает. Мать ловко ее перехватывает, а я, смочив чистую тряпицу в ведре с водой, начинаю отскребать с ее мордашки грязь. Она вопит, изворачивается, но вырваться из наших цепких рук силенок у нее все же не хватает. После «умывания» мы отдаем ей остатки позавчерашнего хлеба, но она все еще зла на нас.

— Дуры! — кричит она, стиснув кулаки и оскалившись. Мы с мамой едва сдерживаем смех при виде ее гневного лица, обрамленного торчащими во все стороны мокрыми патлами. — Тупые!

Дверь внезапно распаивается, со стуком ударившись о стену, и мы дружно тарашимся на Джона, который стоит с важным видом — ноги широко расставлены, руки заложены за спину, локти растопырены, подбородок задран, — и победоносно на нас смотрит.

— Нипочем не догадаетесь, что я для вас раздобыл!

— Ты птичку поймал, да? — предполагает Энни. — Воробышка? Такого маленького коричневенького?

Джон удивленно округляет глаза:

— Ты что, бельчонок? С чего это я каких-то птичек ловить стану?

— Все было бы больше пользы, — ехидно замечаю я.

А Энни, вытерев сопли рукавом, с деланным равнодушием пожимает плечами:

— Ну и пожалуйста! Воробьев в лесу полно, я и сама себе поймаю.

— Ну что же вы? Давайте, угадывайте, что я вам принес? — настаивает Джон.

— Не знаю уж, что ты там принес, но подзатыльник точно получишь, коли сам не скажешь, — обещает ему мама.

Беззубая угроза. Мать ни разу в жизни нас и пальцем не тронула. Лишь однажды я видела, как ее довели до того,

что она подняла на человека руку. Эта мимолетная, хотя и весьма мощная вспышка ее гнева была вызвана желанием защитить самое дорогое, что у нее есть: собственных детей.

Джон рывком выдергивает руку из-за спины; вид у него такой гордый и самодовольный, словно он раздобыл сундук с золотом. Мама изумленно охает.

Джон держит в руке тушку ягненка, из которой еще капает кровь, и на полу уже успела образоваться небольшая лужица. Некоторое время в тишине слышен лишь равномерный стук капель, потом мать, пошатываясь, подходит к Джону, крепко его обнимает, прижимая к себе вместе с ягненком. Я вижу, что вся рубашка у него на спине покрыта кровавыми пятнами.

— Ох, Джон! Ты стал совсем взрослым! — Мать чуть не плачет от радости. — Ты настоящий мужчина! Теперь-то мы несколько дней будем сыты!

И это правда. В доме нет ни крошки еды, так что мы можем рассчитывать только на похлебку из лебеды и крапивы да еще на съедобные ракушки, которые удастся собрать на берегу. Кровь из тушки ягненка все еще продолжает медленно капать на пол — кап, кап, кап, — и этот звук меня завораживает; потом мне приходит в голову, что и на тропе, ведущей к нашему дому, наверняка остался этот кровавый след, который запросто укажет хозяину ягненка, куда направился похититель, ибо этот след ведет вверх по склону холма в заброшенную чумную деревушку, где и обитает наша семья.

Джон, весь красный от смущения, вырывается из маминых объятий и говорит:

— Да ничего особенного, ягненок-то совсем еще маленький.

Мать берет у него ягненка, быстро осматривает безжизненное тельце и подставляет миску, чтобы собрать драгоценную кровь.

— Ничего, у них мясо слаще. И не такой уж он и маленький, нам с избытком хватит.

— А еще я знаю, где репы накопать можно.

— Ну так сбегай туда, сынок. Устроим настоящий пир! Энни, вытри стол. Сара, принеси мой нож.

Джон исчезает за дверью, я несу нож, но Энни остается стоять, где стояла, и еле слышно лепечет:

— Такой маленький!

— Достаточно большой, чтобы все мы досыта наелись, — возражаю я.

— Маленький! Он овечий ребенок!

Я моментально останавливаюсь и заглядываю в ее полные слез глаза. Энни с ужасом смотрит, как мать сдирает с ягненка шкуру. Его белая шерстка стала совсем алой. У Энни по щекам ручьем текут слезы, она вытирает их тыльной стороной ладони, но и рука, и подбородок, и губы у нее уже совсем мокрые.

Я опускаюсь возле нее на колени, кладу руки на хрупкие худенькие плечики, пытаюсь утешить:

— Джон очень быстро его убил. Ягненок даже почувствовать ничего не успел.

Но Энни меня не слушает; она не сводит глаз с ягненка, уже успевшего превратиться в бесформенный кусок мяса.

— Пойдем-ка со мной, детеныш, — говорю я. — Нам с тобой еще нужно съедобных водорослей собрать к обеду и дров поискать, а то нам и огонь-то развести нечем.

Я беру сестренку за руку, и мы выходим из дома.

* * *

Пир мы устраиваем задолго до того, как солнце оказывается в зените. Мы уж и припомнить не можем, когда в последний раз ели как следует. Вообще-то такое замечательное угощение следовало бы оставить на вечер, но ждать мы не в силах. Джон притащил репы, мы с Энни собрали немного водорослей, и мама приготовила все это в одном горшке с ягненком. Еда, куда более сытная и вкусная, чем та, к которой мы привыкли, сочное, душистое мясо так и тает во рту.

Как только мать ставит перед Джоном полную плошку, он начинает жадно есть, прямо пальцами запихивая в рот куски репы; он так спешит, что еда вываливается изо рта и прилипает у него к подбородку; мясо он рвет зубами, как хищник.

Мама, Энни и я все же пытаемся сдерживаться, но и мы едим, не останавливаясь, не разговаривая и не отрывая глаз от собственной миски, пока не показывается донышко.

Покончив со своей порцией, я откидываюсь назад, тяжело вздыхаю и невольно хватаюсь за живот. Он набит битком, и в нем уже возникла какая-то незнакомая боль, явно вызванная алчностью. Джон с гордостью посматривает на нас с видом короля, досыта накормившего свой народ.

— Как же вовремя ты эту еду раздобыл, сынок. Все досыта наелись, и там еще кое-что осталось. Из костей бульон сварим. А кровь я для своих заклинаний приберегу. За такие заклинания мне многие охотно заплатят, а на вырученные денежки мы еще еды купить сможем.

Джон в ответ так громко и обстоятельно рыгает, что Энни весело смеется. Даже мама улыбается.

— Где это ты на ягненка наткнулся? — спрашиваю я.

За столом ненадолго воцаряется молчание. Мама встает и начинает с нервной поспешностью собирать миски.

Джон ерзает на табурете и чересчур внимательно рассматривает тыльную сторону ладони, потом начинает ее почесывать.

— Стажил прямо из стада Тейлора, — наконец сообщает он и тут же взвизгивает: — А что? Он мне прямо на тропинке попался. Пусть в другой раз лучше за своими ягнятами смотрят!

— Значит, ты его украл?

— Само собой. А ты думала, мне его добрая фея подарила? Или я эльфийский клад нашел, чтобы за ягненка расплатиться?

— Значит, работать за него тебе не пришлось?

— Да он же сказал: ягненок ему на тропе встретился, бери, кто хочет, вот он его и взял, — вступается за Джона мама.

— Не бери, кто хочет, а кради, кто хочет. Его за кражу ягненка и повесить могут.

— Нетушки, не повесят они нашего Джона! — заявляет Энни, грызя грязный ноготь. — Мы им никогда не дадим его повесить. Вот мамочка их как заколдует, у них глаза-то и выпадут, а я их глаза птичкам в лесу скормлю, и никто нашего Джона и не найдет. Правда же, Джон, они тебя не повесят?

— Да с чего им меня вешать, бельчонок? Ягненок сам с пастбища ушел, а может, и вовсе дикий был. Его и искать-то никто не станет, если, конечно, у нашей Сары не разыграет ее злосчастная совесть.

— Вот если бы ты работал...

— Так ведь не нашлось же никого, кто захотел бы меня нанять! Уж я в каждую дверь стучался! Любую работу просил! И ни одна живая душа не откликнулась. Никто мне работы не дал.

— Значит, правду о нас говорят.

Мать снова с грохотом швыряет миски на стол.

— Раз они так о нас говорят, значит, такими мы и должны стать. Или, может, ты хочешь, чтобы я другое ремесло выбрала? — Она смотрит мне в глаза до тех пор, пока я не отвожу взгляд. — И потом, — уже спокойней прибавляет она, — у этого Мэтта Тейлора всего полно, он и не заметит, что у него какой-то ягненок пропал. Да и сам он по характеру суший пещарь, рыба беззубая. И сынок его сопливый такой же.

* * *

Со стола так никто и не убрал, но я продолжаю сидеть, наблюдая за тем, как Джон точит на камне свой любимый нож. Его тень, словно крадучись, сползает со стены на пол. Мать уже поставила вариться голову ягненка, а вот глаза его при-

берегла. Когда вываренный череп станет чистым и белым, мы отнесем его в деревню, там кто-нибудь с удовольствием его купит и спрячет у себя дома — отличная защита от злых духов. Весь дом полон противного запаха этого варева.

— Мам, — спрашивает Энни, не вынимая пальца изо рта, — расскажи, откуда я взялась?

Вжиканье ножа по камню стихает. Мать, оставив в покое свой котел с варевом, садится рядом с Энни. Малышка часто просит ее рассказать об этом, но иногда она ее попросту отталкивает, а иногда все же соглашается кое-что рассказать, вспомнить былые счастливые деньки.

— Твоя жизнь началась совсем не так, как у других. Ты была для нас даром и волшебным образом проросла прямо из земли.

Энни, удобно угнездившись у нее на коленях, спрашивает:

— Значит, и во мне полно волшебства, да, мамочка? Но вот у Сары и Джона был папа, а у меня нет. — Уголки губ у нее печально опускаются. — А мне бы так хотелось, чтобы и у меня был папа.

— Да, он был хороший человек...

Смутное воспоминание вспыхивает в моей душе и тут же исчезает, я едва успеваю его ощутить — это воспоминание о теплой руке отца, которой он гладит меня по голове, о запахе насквозь просоленной отцовской одежды.

В сгущающемся сумраке не понять, какое у мамы сейчас выражение лица, но по тому, как она склонила голову, я догадываюсь, что она совершенно поглощена мыслями о прошлом. Я пытаюсь перехватить взгляд Джона, но он делает вид, что страшно занят, и протирает точильный камень подолом собственной рубахи.

— Он был такой высокий... — Мне кажется, что мама разговаривает сама с собой. — Высокий, как дерево, и руки сильные, жилистые, как ветви...

Я жду, крепко обхватив себя руками и заранее зная, что сейчас мать выбирает самое светлое из своих воспомина-